

Так кто же виноват?

Бранко Миланович | 04.27.2020

Взаимные обвинения бесполезны. Идеальным ответом на этот вопрос была бы глобальная работа над ошибками.

Данная статья также доступна на [немецком](#) / [английском](#) языке

Книга американского политического философа Джона Ролза «Закон народов», [увидевшая свет](#) в 1999 году, претендовала на роль пособия по организации глобальной политической жизни: как обеспечить мирное сосуществование типов государственной власти с разными источниками легитимности. Ролз выделяет четыре типа государственной власти: либеральная власть, консультативно-совещательные иерархии, «обездоленные» и «беззаконные» государства. (Есть еще пятая категория – «филантропический абсолютизм», но в книге она выносится за скобки.)

Под либеральной государственной властью подразумеваются традиционные либеральные демократии. Консультативно-совещательные иерархии – это такие страны, как Марокко или Иордания, которые не являются демократическими, но имеют выборные парламенты и не отмечены грубыми нарушениями гражданских прав. К разряду «обездоленных» социумов относятся бедные страны, либерализации которых мешает их нищета (например, Сомали). А «беззаконные» государства не являются

частью ролзовского миропорядка.

В книге Ролза во многом нашла свое отражение униполярность 1990-х годов наравне со знаменитым [тезисом](#) Фрэнсиса Фукуямы о «конце истории». Но Ролз в своей модели пытается представить более реалистичную картину мирного сосуществования различных политических систем, чем так называемая теория демократического мира, согласно которой мир возможен только между идеологически близкими демократическими нациями. Ролз пришел к выводу, что мир вряд ли будет состоять только из таких наций – в его понимании необходимо найти своего рода *modus vivendi* между разными формами правления.

Как следствие, он относит либеральные социумы и консультативно-совещательные иерархии к категории «благовоспитанных», учитывая их взаимное принятие внутренних отличий друг друга и отсутствие у них стремления к навязыванию собственных управленческих институтов. Без рассмотрения остались, правда, «беззаконные» государства. Это один из ключевых изъянов ролзовской классификации: эти социумы даже определяются не как социумы, а просто как государства. А ведь их внутренние управленческие институты, по мнению Ролза, представляют собой реальную угрозу для всего остального мира.

На этом моменте стоит остановиться в контексте COVID-19. Когда национальные политические институты отдельной страны начинают представлять такого рода угрозу?

Негативное воздействие

Предположим, кто-то выступает против вмешательства в политические дела другого народа – и, как следствие, против таких катастрофических авантюр, как стремление к «свержению режима». Если говорить в абстрактных категориях, этот кто-то по-прежнему вынужден мириться с тем, что внутренние институты другой страны могут стать «внешним фактором», то есть они могут оказывать негативное влияние на остальные страны.

Во времена Первой мировой войны многие люди считали, что систематически агрессивный политический курс Германии определяется властью военных кругов и земельной аристократии. Некоторые думали, что такая же ситуация имеет место в Советском Союзе и подконтрольном ему Коминтерне. А большинство считало, что национал-социализм плох не только для Германии, но и для всего мира. Но, возможно, все эти примеры носят экстремальный характер: к счастью, мы больше не живем в мире, где присутствуют подобные «внешние факторы».

И тем не менее должна ли китайская политическая система нести ответственность за пандемию? В определенном смысле да.

Совершенно очевидно

Самым серьезным упущением стал сам факт появления инфекции. После эпизода с коронавирусной [атипичной пневмонией \(SARS\)](#) в 2003 году стало совершенно очевидно, что передача опасных вирусов от животных к людям представляет собой серьезный риск. Китайские продуктовые рынки, прилавки которых завалены разнообразными представителями животного мира, [отмечались](#) многими специалистами как особенно вероятные места возникновения подобных «передач» вируса от животного к человеку.

Такой стране, как Китай, [имеющей](#) огромные политические и институциональные ресурсы, следовало бы воспользоваться ими для прекращения любой торговли дикими или болезнетворными животными. Мы, к примеру, не вправе критиковать Демократическую республику Конго за такую же небрежность в случае с пандемией лихорадки Эбола, которая возникла в неблагополучных восточных регионах страны в 2018 году, потому что конголезское государство обладает минимальной способностью к силовому принуждению. Но Китай обладает колоссальной способностью к силовому принуждению – и он не сумел ею распорядиться.

Идеальным ответом на этот вопрос было бы создание международной комиссии из политически незаангажированных и разнопрофильных экспертов, которая бы занялась изучением докризисного периода и последующих антикризисных шагов всех участников процесса

Вторым упущением стало сокрытие эпидемии местными властями провинции Хубэй на начальном этапе. В данном случае мы имеем дело как со старой, так и с новой особенностью китайской политической системы. Профессор Гонконгского университета Ченган Ксу (Chenggang Xu) [назвал](#) ее «регионально децентрализованным авторитаризмом»: исполнительная власть на уровне провинций и на более низких уровнях наделена значительной автономией, а работа ее руководителей оценивается по тому, насколько хорошо они используют эту автономию для реализации определенных национальных приоритетов, таких как экономический рост и снижение уровня загрязнения окружающей среды. Поэтому в интересах провинциальных деятелей не сообщать о неблагоприятных событиях, дабы не раздражать центр и не ставить под угрозу свою политическую карьеру.

Это не какая-то новая особенность китайского государственного управления. В своей книге «Повседневная жизнь в Китае накануне монгольского нашествия», посвященной эпохе Южной Сун из истории Китая XIII века, Жак Жерне (Jacques Gernet) [пишет](#): «Основополагающий принцип всей административной системы Китая сводился к тому, что главной отправной точкой во всех вопросах должен быть общественный порядок. Не должно было быть никаких беспорядков: субпрефект, допустивший беспорядки в

своих районах [...], был плохим администратором, и весь спрос был именно с него вне зависимости от причин возникновения беспорядков [...].».

Современная система выстроена по такому же принципу – и это тоже способствовало отсутствию контроля на начальной стадии распространения эпидемии.

Тогда возникает вопрос: если политическая система Китая не смогла эффективно отреагировать на угрозу, которая в конечном итоге затронула весь мир, то с каких позиций можно гарантированно не допустить такого развития событий в будущем?

Глобальная работа над ошибками

Идеальным ответом на этот вопрос была бы совместная работа над ошибками. Причем не только над китайскими: Соединенные Штаты приостановили совместные китайско-американские исследования в области вирусологии всего за несколько месяцев до вспышки пандемии. К ослаблению Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) привела ставшая уже традиционной политика попеременного прекращения и возобновления ее финансирования со стороны западных стран. Из-за этого у ВОЗ на начальном этапе кризиса развилась склонность к безоговорочной поддержке китайской точки зрения, даже когда сама жизнь доказывала ее несостоятельность и лукавство.

Идеальным ответом на этот вопрос было бы создание международной комиссии из политически незаангажированных и разнопрофильных экспертов, которая занялась бы изучением докризисного периода и последующих антикризисных шагов всех участников процесса. В этой комиссии Китай не должен оказаться в роли подсудимого, поскольку он не несет единоличной ответственности за смертельные последствия кризиса: реакция многих (если не большинства) государств оставляет желать лучшего. Однако в центре внимания комиссии должна быть первоначальная реакция Китая на кризис – с единственной и четкой целью не опозорить и наказать кого-либо, а в максимально возможной мере обеспечить, чтобы такого никогда больше не повторилось.

Конечно, можно скептически оценивать вероятность подобных сценариев, учитывая явное нежелание другой супердержавы подвергать международному контролю свои военные и прочие действия. И это весьма досадно, потому что международные правила, похоже, распространяются только на слабых игроков и никогда – на сильных.

При этом не исключено, что сам Китай увидит определенную выгоду в проведении такого расследования: он может воспользоваться им для демонстрации того, что даже крупные и влиятельные игроки способны следовать международным правилам. Есть скромная вероятность, что пример Китая пристыдит другие супердержавы и тем самым в каких-то других аналогичных ситуациях поможет принудить США, Россию или

Европейский союз хотя бы частично согласиться с внешним надзором за их действиями.

Эта статья является совместной публикацией [Social Europe](#) и [IPG-Journal](#).